рой молящийся восходит к духовному совершенству, равно как и само наименование сборника «Звездой Пресветлой», — все это, в основе своей восходя к символике общехристианских церковных песнопений, как мы видим, представлено здесь уже в преломленном через католический культ девы Марии виде. Отсюда — большое сходство стиля легенд «Звезды Пресветлой» с религиозной и светской лирикой католического средневековья, хорошо знающей сравнения девы Марии с розой и лилией, называющей ее зерцалом блаженства, звездою в сердце, лествицею Иакова и т. п.[1] Отсюда же и одинокое в стилевом отношении положение «Звезды Пресветлой» в русской литературе XVII в.

В отношении стиля нельзя, конечно, обнаружить каких-либо черт сходства между легендами «Звезды Пресветлой» и «Повестью о Савве Грудцыне». А это в случае зависимости повести от данных легенд, конечно, сказалось бы.

Нельзя обнаружить этого сходства и в отношении сюжетов легенд «Звезды Пресветлой» и «Повести о Савве Грудцыне». Все легенды сборника распределены по главам. Принцип этого распределения — указание определенной категории событий, во время которых оказывается спасительным произнесение молитвы «Богородице дево радуйся». Напр., при тяжелых родах, во время болезни, в опасности, при нападении демона и пр.

Почти все легенды представляют собою непомерное восхваление этой молитвы. На этом, собственно, они построены. Их конечная цель — показать необходимость исключительного почитания «ангельского радования».[2]

В «Повести о Савве Грудцыне» нет ничего такого, что в какой бы то ни было мере напоминало эту особенность легенд «Звезды Пресветлой».

Подмеченное впервые еще Н. Петровым,[3] потом подтвержденное и другими историками древнерусской литературы[4] сходство одной (и только одной!) из легенд «Звезды Пресветлой» с «Повестью о Савве Грудцыне» находит свое объяснение в общих условиях возникновения западноевропейских сборников религиозных легенд. Автор «Звезды Пресветлой», как и авторы ряда других сборников, следуя средневековой традиции, пользовался при составлении своего труда, очевидно, рядом источников. Ничего нет удивительного в том, что он включил в свой сборник старое сказание

[1] См. Каррьер, Мориц. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества. Перевод Е. Корша. М., 1874, т. III, стр. 450.

[2] См. гл. I, чудо 3, лл. 13—15; гл. I, чудо 6, л. 16; гл. II, чудо 2, лл. 17об.—18; гл. VIII, чудо 4, л. 72 об. и др.

[3] Н. Петров, op. cit., стр. 747 и 749—750.

[4] В. Сиповский, op. cit., стр. XLII.